

Я НЕ РАЗ слышала и слышу теперь, что Огнивцев во всем старался быть похожим на Шалыпина. Действительно, внешнее сходство обоих певцов поразительно. И впрямь, шалыпинский сын. Я до сих пор часто ловлю себя на мысли, как природа могла создать таких певческих «двойников»! Помню, как в Париже, Милане, Вене, Стокгольме любители оперы скандировали: «Браво, дитя Шалыпина! Браво!» Да и семья великого русского артиста любима Огнивцева так, как свойственно лишь близким людям. Жена Федора Ивановича, Поля Игнатьевна Торнаги, в прошлом прима-балерина миланского «Ла Скала», сын Борис, дочь Ирина относились к нему чрезвычайно тепло.

чевые позиции в театре? — с досадой воскликнул артист. — Единичи! А колоратурного сопрано международного класса и вовсе нет со времен Фирсовой, если иметь в виду воспитанников театра. Где Лакме, Парица ночи, Констанция, Шемаханская царица?

Ему страстно самому хотелось спеть партии Дон Кихота в опере Массне, Мефистофеля, Сальери... Вся история оперного искусства, доказывал Огнивцев, есть естественный и суровый отбор лучшего из лучших. Из сотни написанных опер «на века» остаются одна-две. И эти оставшиеся жемчужины не должны подменяться одноактными камерными спектаклями. Равноценны ли они

ла фотографию этих субъектов, спущенных с крутой лестницы. Надпись гласила: «Рабоче-крестьянский ответ русского баса».

Вообще Огнивцев был человеком спокойным, вывести его из равновесия было просто, и это тоже одна из привлекательнейших черт его натуры. Но все же, как всякий истинно русский человек, в минуты, когда обстоятельства требовали, он мог дать сокрушительный отпор. В Анкаре бывшие белогвардейцы, узнав, что Огнивцев был в большой дружбе с легендарным героем гражданской войны Буденным, наводившим страх на белоказанов, захотели «выяснить отношения», вспомнив былое. Покрутив огромным, словно гири, кулаком около

ТРЕБУЕТСЯ ДОСТОИНСТВО

Огнивцев дорожил этой дружбой.

Однажды после концерта в Колонном зале Дома союзов, в котором мы оба принимали участие, возвращаясь домой — жили мы в одном доме, — я услышала то, о чем давно хотела узнать, о начале его артистической биографии. Хочу привести здесь его рассказ:

«Было это в воинской части, где я служил связистом. Друзья уговорили выступить на вечерне самодеятельности. Вышел на сцену и — забыл слова, забыл мелодию. Ну, конечно, смех, аплодисменты. Подошел конферансье, взял за руку и увел со сцены. В тот вечер я поклялся никогда не петь на людях, но не сдержался — пошел-таки на прослушивание в консерваторию. С патефонной пластинки выучил арию Руслана из оперы «Руслан и Людмила» Глинки и исполнил ее перед комиссией. Кто бы мог подумать, что я пел когда-то тенором? «Вам, молодой человек, нужно петь только басом», — сказал председатель комиссии и поздравил меня с зачислением в консерваторию. На одном из концертов меня услышал Семен Михайлович Буденный, приезжавший в Молдавию с делегацией. Он-то и посоветовал ехать учиться в Москву. Здесь, в столице, на меня обратили внимание Антонина Васильевна Нежданова и Николай Семенович Голованов.

Когда я окончил консерваторию, Голованов пригласил меня в Большой театр. Через несколько дней после зачисления в труппу он пришел на репетицию. «Собираешься петь «Хованщину»? — спрашивает. «Спою», — отвечаю. А он: «Ну и нахал! Нет, вы только полюбуйтесь на этого мальчишку! Уже на «Хованщину» замахнулся!». И все-таки через полгода я спел партию Досифея в опере Мусоргского, за что и получил Государственную премию. Помню, стоял за кулисами ни жив, ни мертв. Не знал, куда девать посох. Слышу из-за кулис ласковый голос Неждановой: «Пора, Шура!» Как только вышел на сцену, страх исчез — увидел ободряющий кивок Голованова».

...Огнивцев всегда искал. Ему претила заученность приемов. Каждая работа отличалась самобытностью решения — интересной трактовкой, новым видением образа. Искания и опыт этого большого артиста оказали и оказывают огромное влияние на творческие устремления многих певцов и певец нашего времени. Особенно когда речь идет о борьбе с пустым блеском, ходульностью, внешней эффектностью, штампами. Александр Павлович любил повторять слова Шалыпина, что пение не безделица, не забава, а священное дело жизни.

Большой театр Огнивцев по праву считал своим домом, и для него не безразлично было все, что в нем происходит. Попалась ему однажды на глаза книжка «Молодежь оперной сцены Большого театра» — очерки о восемнадцати начинающих артистах.

— Многие ли из них вышли вперед, заняли клю-

встречи с Александром Огнивцевым

«Снегурочке» и «Чародейке» Чайковского, «Русалке» Даргомыжского, «Золотому петушку» Римского-Корсакова? Большой театр — это как Третьяковка или Эрмитаж. Но разве в прославленных художественных галереях теснят Сурикова, Левитана, Рембрандта? Сокровища, которые жили и живут в сердцах и умах, в сознании поколений, принадлежали и должны принадлежать народу. Ведь именно классики показали нам пример подлинного новаторства, определили и крупнейшие завоевания нашей художественной культуры. Я отдал ей годы напряженного труда и знаю, сколь высокие требования она предъявляет к мастерству, идейной зрелости того, кто к ней прикасается.

Работал он много, с упорством. И не случайно образы, созданные Огнивцевым на сцене Большого театра, поражают эмоциональной сочностью, достоверностью.

Вспоминаю, как он готовился к роли короля Филиппа II в опере «Дон Карлос». Артист буквально с головой погрузился в историю средневековой Испании, изучал словесные и живописные портреты короля, известного своей жестокостью и властолюбием. Он знал все окружение Филиппа, всю его семью, а о дочери короля, инфанте Евгении, говорил, словно о давнишней знакомой. Работая над образом Досифея в «Хованщине», Огнивцев обратился к трудам профессора В. О. Ключевского, прочел все о движении раскольников, изучил петровскую эпоху, читал и перечитывал роман А. Н. Толстого. В «Декабристах» Ю. Шапорина артист знал наизусть весь клавир и партитуру, прекрасно разбирался во всех тонкостях спектакля, знал эпоху, жизнь и борьбу декабристов. Когда в один из вечеров из-за болезни артиста, исполняющего партию Бестужева, спектакль оказался под угрозой срыва, Александр Павлович заменил его и спел две партии: Николая Первого и Бестужева.

Много разных ролей и партий исполнил Огнивцев, но мне больше всего запомнился его царь Борис в народной музыкальной драме Мусоргского «Борис Годунов». В отдельных сценах — в таких, как «Венчание на царство», монолог «Достиг я высшей власти», «Прощание с сыном», — он поднимался до высот истинного совершенства драматической выразительности. Я слушала певца в этой партии и в Большом театре, и за рубежом. Его принимали всюду восторженно. В Италии его пригласили петь в «Ла Скала». И вот какие-то личности стали следовать за ним в театре, отеле, на улице. Их посулы, видимо, надоели певцу, и он вышвырнул двоих из своего гостиничного номера в Милане. На следующий день одна из газет — не помню сейчас названия — помести-

несколько носов сразу, он сказал: «Кого ненароком задену, устанет кувыряться». Сила в нем была богатырская.

Огнивцеву близка была и высокая трагедия, и сложная психологическая музыкальная драма, и искрометная комедия, и веселая опера — водевиль. Помню, как восторгался Семен Михайлович Буденный его Вожаком в «Оптимистической трагедии» А. Холминова, как высоко отзывался Маршал Советского Союза Баграмян о пении Огнивцева в «Фаусте», «Евгении Онегине» и «Войне и мире». Режиссер М. Донской хотел привлечь Огнивцева к съемкам фильма, в котором ему предстояло играть роль Шалыпина. «Я не стал сниматься, — ответил Огнивцев, когда я спросила о причинах отказа участвовать в этом фильме, — во-первых, потому, что не было подходящего сценария. Да и сроки для работы предлагались весьма малые. Ты знаешь, я никогда в своей жизни ничего не делал наспех. Все схватывать на лету — самая большая опасность в искусстве. Крупное явление требует долгого и глубокого осмысления, особенно такое многогранное и противоречивое, как Шалыпин. Певец еще при жизни был легендой. Его незаурядная личность, огромный талант и сегодня поражают воображение. Но ведь не только это следует отразить в фильме. Речь идет о трагедии гениального русского человека, вышедшего из самой гущи народной. В этом все дело. Трагедия, тем более такого человека, играть тяжело».

При всей своей любви и преклонении перед гением Шалыпина Огнивцев не мог простить ему оторванности от Отчизны. Сам он не мыслил себя вне Родины. Он был ее верным, преданным сыном. Длительные гастроли за рубежом всегда тяготили его. Он тосковал по Москве, театру, друзьям.

Еще об одном качестве, присущем ему как актеру и человеку, хотелось бы сказать. Часто повторял он полюбившуюся ему мысль Михаила Пришвина о «священном порядке» в душе творца, каким является каждый работник, мастер своего дела. Этот порядок повелевает мастеру не только поставить все предметы на свои места, но также и определиться самому в служении своему делу и «отделаться от прислуживания». «Требуется достоинство», — повторял часто Огнивцев слова Пришвина.

И вот еще в чем глубоко убедили меня встречи с Огнивцевым и его искусством: подлинного мастера отличает не только высокий профессионализм, но и умение видеть мир, трактовать его с позиций гражданственности, современности.

Вызывает глубокое уважение и восхищение творческая и жизненная позиция артиста-гражданина, беззаветно преданного своей Родине и главному делу своей жизни.

Людмила ЗЫКИНА,
народная артистка СССР,
лауреат Ленинской
премии.